
Василий Петров
Тень кардинала

Василий Петров

Тень кардинала

«Автор»
2026

Петров В.

Тень кардинала / В. Петров — «Автор», 2026

Франция, 1631 год. Тень кардинала Ришельё накрыла страну, и аристократия доживает последние дни. Анжелина де Блуа вынуждена носить мужской колет и имя Антуан, чтобы защитить замок Монфор от посягательств своего названного брата — безжалостного капитана дАржантье. Когда старый лорд умирает при загадочных обстоятельствах, Анжелина получает в наследство не земли, а смертельную тайну: второе завещание, спрятанное в перчатке с вышивкой из серебряной розы.Вместе с хромым вором Гастоном, знающим цену каждому секрету, и немой от горя кухаркой Клодин, Анжелина бежит в Париж. Им предстоит спуститься в подземелья алхимика Бомарше, которого считали мертвым, и найти «Вторую башню» — архив компромата, способный уничтожить самого Ришельё. Но дАржантье дышит в затылок, и он готов утопить Париж в крови, лишь бы заполучить документ.«Тень кардинала» — это история о том, как одна девочка с глазами цвета штормового моря может оказаться страшнее целой армии, если научится смотреть в лицо своим призракам.

© Петров В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Акт I 5
Глава 2. Два завещания 6
Глава 3. Перчатка с вышивкой 9
Глава 4. Пыль в луче света 11
Акт II. 13
Глава 5. Слово офицера 14
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Василий Петров
Тень кардинала

Акт I
Глава 1. Замок Монфор

Ноябрь 1631 года выдался сырым. Дождь не просто лил — он висел в воздухе густой, ледяной взвесью, превращая дороги Шампани в полосы липкой грязи. Замок Монфор вырастал из тумана черным, гнилым зубом. Его древние стены, помнившие еще крестовые походы, сейчас блестели от влаги, словно были покрыты слизью.

Анжелина де Блуа, известная страже и немногочисленным слугам как Антуан, наследник по мужской линии, сидела в седле, покачиваясь в такт шагам уставшей лошади. Колет из грубой кожи натирал плечи, а мужской костюм казался тяжелой, нелепой броней. Под тканью рубашки тяжело билось сердце, которое она заставляла биться ровно.

Рядом, на пегой кобыле, ехала Клодин. Кухарка куталась в шерстяной плащ, промокший насквозь. Она молчала всю дорогу от Парижа, но ее молчание было громче любых причитаний. За ней, на смирной лошадке, покачивалась Мари. Семилетняя девочка спала, уронив голову на грудь Клодин. Светлые волосы, выбившиеся из-под чепца, потемнели от воды, но даже во сне ее серые глаза с тем самым странным желтым ободком оставались тревожными.

— Почти приехали, госпожа, — хрипло бросил Гастон Леру, выезжая из пелены дождя. Его лицо, обычно подвижное и хитрое, осунулось. — Если старый Фелисьен не выжил из ума окончательно, у него должен быть растоплен камин. Я чувствую запах сырости даже сквозь нос.

— Если он выжил из ума, мы просто бросим его в этот камин, — отозвалась Анжелина, не разжимая губ. — Главное, чтобы он успел подписать бумагу до того, как превратится в головешку.

Гастон хмыкнул, но смех застрял у него в горле, когда они проехали под опускную решетку.

Внутренний двор замка встретил их не уютом, а зияющей пустотой. Конюшни стояли с распахнутыми дверями. На колодце намерз лед. Это было не запустение бедности — это было запустение смерти. Место, из которого ушла жизнь.

— Слишком тихо, — Гастон сунул руку под плащ, где у него всегда висел длинный нож. — Даже вороны не каркают.

Анжелина спрыгнула с лошади, едва удержавшись на затекших ногах. Подошвы сапог чавкнули по грязи. Она посмотрела на окна донжона. Ставни были закрыты, но в одном из них, на третьем этаже, горел свет. Слабый, желтый, дрожащий.

— Он там, — сказала она. — Ждет. Он всегда знал, что мы вернемся.

Глава 2. Два завещания

Нотариус Фелисьен сидел в кресле у камина, закутанный в три шерстяных одеяла. Старику было за восемьдесят, и казалось, что из него ушла не только жизнь, но и сама влага — он был сухим, как осенний лист. При виде гостей он не удивился. Только пальцы, держащие серебряный кубок с подогретым вином, едва заметно дрогнули.

— Антуан, — проскрипел он, глядя на Анжелину. — Ты выглядишь... возмужавшим.

— Я промок и замерз, Фелисьен, — Анжелина сбросила мокрый плащ на руки Клодин. — Давай обойдемся без любезностей. Ты вызвал нас письмом. Где тело?

— Лорд Монфор в часовне, — Фелисьен кивнул на дверь. — Но это не причина нашей встречи. Причина здесь.

Он с кряхтением потянулся к бюро и достал два свитка, перевитых шнурками. Один — из плотной, дорогой кожи, с тяжелой восковой печатью Монфоров. Второй — из пожелтевшего, но тонкого пергамента, запечатанный тусклым, свинцовым сургучом.

— Первое завещание, — Фелисьен толкнул к ней тяжелый свиток. — Официальное. Составлено десять лет назад. В случае смерти лорда без мужского потомства — а у него, как мы знаем, только вы, «Антуан», — замок и земли отходят короне. Король, в свою очередь, дарует их верному слуге за заслуги перед Францией. Имя слуги вписано. Капитан д'Аржантье.

Анжелина почувствовала, как внутри все заледенело. Д'Аржантье. Человек, которого ее отец считал братом. Человек, который предал их в Париже.

— Это безумие, — прошептала Клодин за ее спиной. — Старик сошел с ума.

— Старик был в ясном уме до последней минуты, — возразил Фелисьен. — Он знал, что Ришельё не оставит Монфор без присмотра. Это официальная ловушка, дитя. Д'Аржантье получит камни. Но он получит и войну, потому что камни без права — это просто мишень.

Фелисьен дрожащими пальцами взял второй свиток.

— А это... это лорд написал три дня назад. И заставил меня поклясться на кресте, что я вскрою его только в присутствии вас обоих. Антуана... и Клодин.

Гастон, стоявший в тени, подался вперед.

— Клодин? При чем тут кухарка?

— Читайте, — Фелисьен сломал свинцовую печать.

Текст был написан тем же почерком, что и первое завещание, но чернила были свежими, а язык — лихорадочным, дерганым.

«Моим детям. Если вы читаете это, значит, я мертв, и тень кардинала накрыла мой дом. Первое завещание — ложь для стервятников. Д'Аржантье — это нож, который Ришельё приставил к моему горлу. Пусть забирает камни, они ему не принесут покоя.

Второе же завещание — для крови. Оно вступит в силу, если Антуан де Блуа будет признан негодным к наследию или погибнет. В этом случае всё — земли, имя и, главное, Тайный Архив Монфоров — переходит к младшей ветви.

Ищите ключ в западной башне. Перчатка с вышивкой. Три серебряные башни без корон.

И помните: тень отступает только тогда, когда наследник жив и не боится смотреть ей в глаза.

P.S. Бомарше жив».

В комнате повисла тишина, нарушаемая только треском поленьев в камине.

Анжелина смотрела на слово «наследник». Если она признается, что она Анжелина, первое завещание аннулируется, и замок заберет корона. Если она останется Антуаном, она — никто, и вступит в силу второе, отдающее всё... кому? Кому-то в западной башне.

— Бомарше жив, — выдохнул Гастон. — Я думал, его сожгли на Гревской площади пять лет назад.

— Отец спрятал его, — голос Анжелины был хриплым. — Он всё знал. Он знал, что д'Аржантье придет.

— Он пришел, — раздался от двери новый голос.

Он не был громким, но обладал свойством заполнять всё пространство, вытесняя воздух.

В проеме стоял Гастон Леру — но не их вор. Это был капитан мушкетеров д'Аржантье. За его спиной в коридоре маячили серые тени.

— Фелисьен, ты нарушил приказ, — сказал д'Аржантье, входя в комнату. — Я велел вскрыть второе завещание только после того, как девочка будет в Париже.

— Я не нару... — начал нотариус, но д'Аржантье подошел к столу и небрежным щелчком смахнул старика на пол.

Фелисьен упал, рассыпав свитки. Он попытался подняться, но капитан наступил ему на грудь тяжелым сапогом.

— Какое разочарование, — д'Аржантье посмотрел на Анжелину. На его лице играла улыбка, от которой замерзала кровь. — А я-то думал, ты умнее, «Антуан». Прятаться в собственном доме.

Клодин вскрикнула и шагнула вперед, закрывая собой Мари.

— Не трогай ее, Арман! Она просто ребенок!

— Она — ключ, — д'Аржантье перевел взгляд на кухарку. — Ключ, который купил мне Ришельё. А ты, Клодин... ты просто свидетель, от которого избавляются.

Гастон-вор выхватил нож.

Д'Аржантье даже не моргнул.

— Сержант, — бросил он через плечо.

В комнату влетел гигант в сером плаще. Он двигался неестественно плавно. Прежде чем Гастон успел сделать выпад, сержант схватил его за запястье. Раздался хруст ломаемой кости. Нож упал на пол.

— Заберите их, — приказал д'Аржантье, убирая сапог со старика. — Девчонку связать. Кухарку тоже. «Антуана»... «Антуана» приведите ко мне в кабинет. Нам нужно поговорить о западной башне.

Глава 3. Перчатка с вышивкой

Кабинет лорда Монфора пропах одиночеством. Д'Аржантье сидел в хозяйском кресле, закинув ноги на стол, и чистил яблоко тем самым серебряным ножичком.

Анжелину швырнули в кресло напротив. Ее руки были связаны за спиной, капюшон сорвали, и мокрые волосы падали на лицо.

— Ты разочаровал меня, — д'Аржантье отрезал дольку яблока. — Я думал, мы друзья.

— Друзья не приводят в дом «Каркасов», — огрызнулась Анжелина, пытаясь унять дрожь в голосе.

— «Каркасы» — это для слуг, — д'Аржантье пожал плечами. — Для тебя у меня есть личный разговор. Где перчатка?

— Какая перчатка? — Анжелина вскинула подбородок.

— Не играй со мной. Второе завещание. «Перчатка с вышивкой. Три серебряные башни». Где она?

— Если бы я знала, думаешь, я бы сидела здесь? — Анжелина попыталась пошевелить связанными руками. Веревки врезались в кожу. — Отец умер. Все сгорело.

— Башня не горела, — д'Аржантье наклонился вперед. Его глаза, обычно насмешливые, стали похожи на куски льда. — Я знаю твой характер, Анжелина. Ты упрямая. Но ты не глупая. Я могу пытать Клодин. Я могу отдать Мари сержантам. Они любят маленьких девочек с необычными глазами. А могу просто отрезать тебе пальцы. Один за другим. Говорят, это очень стимулирует память. Где перчатка?

Анжелина сглотнула. Комната поплыла перед глазами. Страх был физическим, он давил на грудь, мешая дышать. Но сквозь него пробивалась холодная ярость.

— В западной башне, — выдохнула она. — В тайнике за гобеленом Святого Мартина.

Д'Аржантье улыбнулся.

— Вот видишь? Мы же умеем сотрудничать.

Он встал, подошел к ней и присел на корточки.

— А теперь правда, — сказал он тихо. — Я знаю, где тайник. Я обыскал башню. Пусто. Значит, твой отец перепрятал ее. Куда?

— Я не... — начала Анжелина, но осеклась.

Она посмотрела в глаза д'Аржантье. И поняла. Он не просто хочет замок. Он ищет то, что спрятано *внутри* перчатки. То, ради чего лорд Монфор инсценировал свою смерть.

— Ты лжешь, — д'Аржантье выпрямился. — Сержант!

Дверь открылась. Вошел гигант, волоча за собой Гастона. Вор едва переставлял ноги, его правая рука висела плетью.

— Оставьте его! — рванулась Анжелина, но д'Аржантье схватил ее за волосы, заставляя смотреть на Гастона.

— Он молчит, — сказал д'Аржантье. — Удивительно крепкий для вора. Но у всех есть цена.

Он достал из ящика стола тонкие стальные щипцы.
— Пальцы, Анжелина. Или язык. Выбирай. Что тебе дороже: его способность воровать или его способность говорить тебе гадости?

Гастон поднял голову. Его лицо было серым от боли, но глаза блестели.
— Не смей, — прошипел он. — Если ты тронешь ее, я найду способ убить тебя даже в аду.

— Какая страсть, — поморщился д'Аржантье. — Сержант. Начни с мизинца.

Гигант шагнул к Гастону, зажимая его руку своими лапищами.
— Стойте! — крикнула Анжелина. — Стойте!

Д'Аржантье замер.
— Я скажу, — выдохнула она. — Отпусти его. Я покажу.

Глава 4. Пыль в луче света

Д’Аржантье лично развязал ей руки, но держал кинжал у самого горла, пока они шли по винтовой лестнице западной башни. Гастона вели следом, поддерживая под руки. Сержант и еще двое мушкетеров замыкали процессию.

В башне было холоднее, чем в склепе. Ветер выл в бойницах, неся с собой ледяную крошку.

— Гобелен, — прохрипела Анжелина, кивая на тяжелую ткань, изображавшую святого, раздающего милостыню.

— Сержант, — д’Аржантье кивнул.

Гигант рванул гобелен на себя. Ткань с треском поддалась, открывая каменную кладку.

Д’Аржантье подошел к стене, провел рукой по стыкам.

— Здесь пусто, — констатировал он. — Ты снова лжешь.

— Нажмите на третий камень во втором ряду снизу, — сказала Анжелина. — С левой стороны. На нем царапина.

Д’Аржантье надавил. Камень со щелчком ушел вглубь. Секунда тишины. Затем часть стены с протяжным скрежетом отъехала в сторону, открывая узкую нишу.

Внутри, на бархатной подушке, лежала она.

Перчатка из тонкой кожи, пожелтевшей от времени. На тыльной стороне была искусно вышита роза с пятью лепестками. Но не нитками — жемчугом и тусклым, темным серебром.

— Наконец-то, — д’Аржантье протянул руку.

В этот момент Гастон, которого сержант на секунду отпустил, чтобы перехватить удобнее, сделал то, чего никто не ожидал.

Он не бросился на д’Аржантье. Он ударил сержанта.

Не кулаком. Он головой, в шлем, с разбегу влетел в грудь гиганта. Сержант, не ожидавший атаки от полумертвого человека, пошатнулся.

— Беги! — заорал Гастон.

Анжелина не стала ждать. Она схватила перчатку. Ткань была ледяной.

Д’Аржантье развернулся, его лицо исказилось яростью.

— Схватить ее!

Анжелина метнулась к лестнице. Но путь вниз был отрезан. Наверх — только узкий выход на крышу, в бурю.

Она оказалась в ловушке.

Д’Аржантье настигал ее. Он двигался быстро, как пантера, несмотря на тяжелые сапоги.

— Стой, дура! Это не стоит твоей жизни!

— Это стоит *твоей*! — выкрикнула Анжелила, прижимаясь спиной к каменному зубцу башни.

Она посмотрела на перчатку. На серебряную розу.
Д'Аржантье занес кинжал.
— Последний шанс. Отдай.

Внизу, во дворе, зажглись факелы. Мушкетеры оцепили башню. Пути назад не было.

— Знаешь, Арман, — голос Анжелины вдруг стал пугающе спокойным. — Отец говорил, что эта роза — не просто вышивка. Это замок.

Она резко, с силой, ударила перчаткой по каменному полу башни.
Тонкая кожа порвалась. Жемчужная нить лопнула, как струна.
Внутри перчатки не было бумаги.
Там лежал ключ. Тяжелый, старинный, из черного железа. И маленькая свинцовая печать с оттиском: «Три серебряные башни».

Д'Аржантье замер. Он смотрел на обломки перчатки, потом на печать в руке Анжелины.
— Что это?

— Это, — Анжелила перевела дыхание, глядя в его расширенные от ужаса и понимания глаза, — это не ключ от башни, Арман. Это ключ от твоего гроба.

Она швырнула печать к его ногам.
— Иди и возьми, граф.

Ветер на вершине башни взвыл с новой силой, заглушая звук его тяжелого, загнанного дыхания.

Акт II.

Глава 5. Слово офицера

Пахло мокрым сукном, железом и сладковатым, удушливым ароматом гниющих роз. Д'Аржантье перешагнул порог храма, и тяжелые дубовые створки за его спиной захлопнулись сами собой, отрезая путь к отступлению. Двадцать серых мушкетеров заполнили неф, двигаясь с пугающей, нечеловеческой синхронностью. Они не шаркали сапогами, не звенели амуницией — они просто возникли из ночной сырости, как плесень.

— Опусти шпагу, Арман, — голос Анжелины прозвучал ровно, почти буднично. Она стояла у алтаря, и свет факела выхватывал из полумрака ее лицо — бледное, с заострившимися скулами. — Мы не знали, что охота затянется до полуночи. Вино в погребе выдохнется.

Д'Аржантье остановился. Он не смотрел на жену. Его взгляд скользил поверх ее головы, к лестнице, ведущей в жилые покои. Он был в тех же пыльных сапогах для верховой езды, в которых уехал утром, но камзол был застегнут на все пуговицы, а лицо — тщательно умыто.

— Это не охота, Анжелина, — произнес он, и его голос, обычно теплый и чуть насмешливый, теперь звучал как скрежет точильного камня. — Охота — это когда зверь не знает, что он в ловушке. А вы знали. Вы всегда знали, что этот замок — просто старый, красивый гроб.

— Если это гроб, то почему ты вернулся в него, Арман? — она сделала полшага в сторону, закрывая собой проход к лестнице. — Ради капитанской нашивки? Ришельё обещал тебе роту?

— Рота — это пыль, — д'Аржантье расстегнул портупею и позволил шпаге упасть на каменный пол. Глухой стук эхом отразился от сводов. — Я вернулся ради тишины. Посмотри на нас. Посмотри на Монфор. Мы цепляемся за камни, пока Франция становится великой. Твой отец умер, потому что был гордецом. Я не хочу умирать. Я хочу жить в Париже. Пить нормальное вино. Ходить в сухой одежде.

— В Париже, где за каждым углом стоит шпион кардинала? — фыркнул Гастон Леру, выходя из тени колонны. Он демонстративно вытирал руки о грязную тряпку, хотя они были чистыми. — Там, говорят, воздух такой густой, что его можно резать ножом. От страха.

Один из мушкетеров дернулся, положив руку на эфес, но д'Аржантье едва заметно качнул головой.

— Не обращай внимания на вора, капитан, — ровно сказал д'Аржантье. — Он торгует страхом, потому что больше у него ничего нет.

— У меня есть кинжал, — оскалился Гастон. — И отличный слух. Я слышу, как у твоих людей пересыхает слюна во рту. Они боятся этого места. Они знают, что в Монфоре пахнет не только розами, но и кровью.

— Они знают приказ, — д'Аржантье перевел взгляд на Анжелину. — Приказ ясен. Замок блокировать. Наследницу не трогать до моего сигнала.

— Наследницу? — Анжелина горько рассмеялась. — Ты же видел бумаги у нотариуса, Арман. Я — самозванка. Де Блуа. Какое мне наследство?

— Ты — Монфор по духу, — д'Аржантье шагнул к ней. Анжелина не отступила. — А дух оставляет след. Ришельё не нужны голые камни. Ему нужно, чтобы род Монфоров исчез из памяти. Тихо. Без героических воплей. Ты уедешь в монастырь, Анжелина. Я выхлопотал тебе место в Сен-Катрин. Там строгие правила, но кормят на убой. Ты примешь постриг через год. Замок отдадут церкви под сиротский приют.

— Приют? — Анжелина прищурилась. — В этих стенах, где по ночам воет сквозняк, а в подвалах до сих пор стоит запах серы от опытов Бомарше? Это не приют, Арман. Это могила для памяти. Ты хочешь похоронить Мари заживо.

При упоминании девочки плечи д'Аржантье едва заметно напряглись.

— Мари — дитя, — глухо сказал он. — В приюте она будет в безопасности. Там ее не найдут люди, которые придут за вами, когда узнают, что второе завещание вскрыто.

— Так вот в чем дело, — протянул Гастон, прищурившись. — Ты не просто трус, Арман. Ты — крыса, которая тащит сыр в нору, надеясь, что кошка съест мышь, сидящую рядом. Второе завещание — это капкан, да? И ты решил, что капкан захлопнется на нас, а ты выйдешь сухим.

— Я выхожу живым, — поправил д'Аржантье. — Это важнее. Анжелина, будь разумна. Спускайся в склеп. Возьми дневник Бомарше. Отдай его мне. И всё закончится. Я даю тебе слово офицера, что мушкетеры не тронут девочку.

— Твое слово офицера? — Анжелина посмотрела ему прямо в глаза. — Твое слово стоило меньше, чем жизнь той белой голубки, которую ты только что свернул на дворе. Я видела ее из окна. Ты убил ее просто так. Чтобы проверить, легко ли ломаются шеи.

По рядам мушкетеров прошел едва уловимый шелест — они знали эту привычку капитана. Проверять натяжение тетивы на живых существах.

— Это был приказ, — глухо бросил д'Аржантье. — Проверка на лояльность. Серые должны были видеть, что я не дрогну.

— Ты не дрогнул, — кивнула Анжелина. — Ты просто сгнил.

Она резко выбросила руку в сторону. Не в сторону д'Аржантье — в сторону аналоя, на котором стояла тяжелая бронзовая чернильница.

Гастон понял ее без слов. Он не был воином, он был прагматиком. Зачем бить в кирасу, если можно ударить в колено? Зачем драться с капитаном, если можно ослепить его армию?

Гастон схватил со стола тяжелый серебряный канделябр и швырнул его не в д'Аржантье, а в лицо мушкетеру, стоявшему ближе всех к лестнице наверх. Тот рухнул с хрустом проломленной переносицы.

В ту же секунду Анжелина опрокинула аналой. Массивная дубовая конструкция упала на ноги второму серому, пригвоздив его к полу.

Храм взорвался хаосом.

— Взять их! — рявкнул д'Аржантье, перекрывая грохот. — Девку живой!

Он не стал тратить время на шпагу. Выхватив из-за голенища тяжелый кавалерийский пистолет, он взвел курок. Грохот выстрела в замкнутом пространстве ударил по ушам. Пламя на миг ослепило всех. Пуля выбила каменную крошку из колонны, за которую успела метнуться Анжелина.

— Лестница! — закричал Гастон, принимая на свой длинный кинжал удар шпаги. Лезвия со звоном высекли искры. — Кто-нибудь, закройте проклятую лестницу! Они идут за ребенком!

Бертранда, стоявшая на верхней галерее, не издала ни звука. Она просто толкнула животом тяжелую дубовую люстру, висевшую на толстой цепи.

Многопудовая конструкция рухнула вниз.

Удар был мясистым, влажным. Люстра не просто раздавила людей — она вбила их в плиты, сминая ребра и ломая позвоночники. Храм погрузился в полумрак, освещаемый теперь лишь тусклым светом двух факелов и запахом горелого пороха.

— В склеп! — Анжелина схватила Гастона за шиворот. Из его бока, намочив рубаху, толчками выходила кровь. — Арман, ты покойник! Ты предал всё, ради чего стоял под дождем в Ла-Рошели!

— Я стою здесь, под крышей, — оскалился д'Аржантье, отбрасывая разряженный пистолет. — А это, поверь, гораздо суше. Взять склеп!

Анжелина нырнула за алтарь. Пальцы нащупали в темноте холодный медный ключ, выпавший из разбитой челюсти святого Себастьяна. Она вставила его в щель в полу. Механизм щелкнул, и плита ушла вниз.

— Давай! — она прыгнула в темноту.

Гастон свалился следом через секунду, тяжело дыша. Сверху, по ступеням, уже грохотали сапоги.

Склеп встретил их запахом тлена и озона.

Свет факела, который Анжелина чудом не выронила при падении, выхватил из мрака стены. Они были черными, но не от копоти. По черному мрамору змеились светящиеся синим строки. Буквы висели в воздухе, выжженные прямо в структуре камня.

— Язык алхимиков, — прохрипел Гастон, сползая по стене. Он зажал рану на боку рукой, но кровь сочилась сквозь пальцы. — Бомарше писал кровью.

— Я не могу это прочесть, — Анжелина подошла ближе, держа факел высоко. Символы пульсировали в такт ее сердцу. — Это не буквы. Это чертежи.

— Это приговор, — голос д'Аржантье заставил их обернуться.

Капитан стоял на ступенях склепа. Он не стал спускаться. Встал в проеме, как живая баррикада, освещаемая сверху светом из храма. Мушкетеры толпились за его спиной, не решаясь лезть в тесную каменную яму.

— Выходите, — сказал д'Аржантье. — Анжелина, я не хочу тебя убивать. Ты была хорошей женой. Послушной.

— Я никогда не была послушной, — она крепче сжала факел. — Иначе бы вышла за тебя по любви, а не по расчету отца.

— Расчет был верным, — пожал плечами д'Аржантье. — До сегодняшнего дня. Выходи. Я обещаю тебе быструю смерть. Слово офицера.

— Твое слово стоит дешевле грязи, — бросила Анжелина. — Ты убил голубку.

— Голубка была лишней, — равнодушно ответил он. — Она слишком громко ворковала. А вот девочка наверху... Она зовет тебя, Анжелина. Ей страшно. Мушкетеры — люди грубые. Они не любят, когда дети плачут. Выводят из себя.

Гастон, стоявший на коленях, поднял голову. Его лицо стало серым, как пепел.
— Ты блефуешь, — просипел он. — Если твои псы тронут Мари, мы сожжем этот дневник прямо сейчас. Просто бросим факел на стену. Пусть твоя карьера сгорит вместе с нами.

— Сгорит? — д'Аржантье улыбнулся. Впервые за весь вечер в его глазах промелькнуло что-то похожее на веселье. — Гастон, ты идиот. Я пришел сюда не за дневником. Я пришел за тем, что внутри дневника.

Он медленно, театральным жестом, достал из внутреннего кармана камзола сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Развернул его.

— Пока вы тут нюхали плесень, мой человек побывал в доме Бертранды, — громко, чтобы слышали все в склепе, произнес д'Аржантье. — Он нашел там очень интересные письма. Оказывается, Клодин, кухарка, лет двадцать назад имела неосторожность согрешить с проезжим торговцем.

Анжелина почувствовала, как пол уходит из-под ног.
— Нет...

— Да, — кивнул д'Аржантье. — И ребенок, родившийся от этой связи... серые глаза с желтым ободком. Редкая отметина. Говорят, она передается по материнской линии.

— Ты лжешь, — выдохнула Анжелина. — Мари — дочь Клодин и ее мужа-рыбака.

— Муж-рыбак утонул за три года до рождения Мари, — любезно напомнил д'Аржантье. — А Клодин — женщина скрытная. Но перед моим сержантом она оказалась очень разговорчивой. Особенно когда он начал ломать ей пальцы.

Гастон издал странный горловой звук. Он попытался встать, опираясь на кинжал, но ноги подкосились. Он рухнул на колени, прямо в черную пыль на полу.

— Зачем? — прошептал вор. Лицо его блестело от пота. — Зачем тебе это знать?

— Затем, что второе завещание, которое вы так жаждете прочесть, — д'Аржантье помахал бумагой, — признает наследницей не ребенка Клодин. Оно признает наследницей *ее саму*. Кровь. Старшую кровь.

Д'Аржантье поднял руку. Мушкетеры за его спиной расступились.

По ступеням, путаясь в слишком длинной ночной рубашке, спускалась Клодин. Лицо ее было белым, как мука. Руки, связанные впереди грубой веревкой, дрожали. За ней шел сержант с лицом, похожим на плохо пропеченное тесто. Он держал нож у горла семилетней Мари.

Девочка не плакала. Она смотрела прямо на Анжелину огромными, расширенными от ужаса глазами. И в желтом ободке ее зрачка в свете факела блеснуло отражение огня.

— Выбор за тобой, Анжелина, — голос д'Аржантье стал вкрадчивым. — Дневник Бомарше. Или кровь.

Он кивнул сержанту. Лезвие у горла Мари надавилось, оставляя тонкую, блестящую царапину. Девочка судорожно вздохнула, но не издала ни звука.

— Если ты отдашь мне то, что написано на стене, — продолжил капитан, — я отпущу кухарку. Девчонка... девчонка поедет со мной в Париж. Воспитываться при дворе. Тихая, благодарная сиротка. Я даже найду ей мужа. Какого-нибудь младшего лейтенанта.

— А если я сожгу стену? — голос Анжелины сорвался на хрип.

— Тогда я отдам сержанта девчонке, — пожал плечами д'Аржантье. — Пусть поиграет. А потом мы начнем жрать камни этого замка, пока вы не заговорите.

Гастон вдруг рассмеялся. Тихо, булькающе, с кровью, идущей горлом.

— Ты... ты проиграл, Арман, — просипел он, глядя на д'Аржантье снизу вверх. — Ты такой дурак...

— Заткни его, — брезгливо бросил капитан.

Но Гастон не затыкался. Он смеялся, глядя на светящуюся стену.

— Она не знает языка... — он перевел взгляд на Анжелину. — Анжелина... посмотри на пол.

Анжелина посмотрела вниз.

Она стояла на груде костей. Скелет в истлевшем дублете, лежавший у ее ног, не был частью старых захоронений. Его положили сюда недавно. На поясе скелета висела кожаная сумка.

— Это не Бомарше, — прошептал Гастон, и смех его оборвался, сменившись кровавым кашлем. — Это твой отец, девочка.

Д'Аржантье наверху замер.
— Что ты сказал, вор?

— Твой отец, — Гастон ткнул дрожащим пальцем в сумку на поясе скелета. — Он не сгорел в башне. Он знал, что ты придешь. Он оставил тебе ключ не от стены.

Анжелина упала на колени рядом со скелетом. Пальцы, ставшие чужими и ледяными, рванули завязки сумки. Внутри, на бархатной подкладке, лежал не свиток. Там лежал пистолет. Точно такой же, как у д'Аржантье. Но ствол его был залит свинцом, а на рукояти была вырезана одна буква. «А».

— Это «Антуан», — прошептала она. — Его звали Антуан.

— Это «Анжелина», — прохрипел Гастон. — Он переделал замок. Он знал, что ты будешь в перчатках. Нажимай на спуск.

— Ты блефуешь, — д'Аржантье шагнул на ступень ниже. — Это просто кусок железа.

— Нет, — Гастон улыбнулся окровавленными зубами. — Это «слово офицера».

Анжелина подняла глаза. Она больше не смотрела на Мари. Она смотрела на д'Аржантье.
Она сунула руку в перчатке в сумку, нащупала холодный металл и взвела курок.

— Ты предал всё, Арман, — сказала она тихо, перекрывая гул светящихся стен. — Но ты забыл главное. Монфоры никогда не умирают в своих постелях.

Она направила ствол отцовского пистолета не в д'Аржантье.
Она направила его в светящуюся стену.

— Ложись! — крикнул Гастон.

Грохот выстрела слился с треском раскалывающегося мрамора.
Своды склепа дрогнули.
А наверху, в доме Бертранды, из распоротого горла сержанта на ковер хлынула кровь — Мари, воспользовавшись моментом, когда все отвлеклись на выстрел, вцепилась зубами в его сонную артерию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.